

Рейчел Гиллиг

ОДНО ТЁМНОЕ
ОКНО

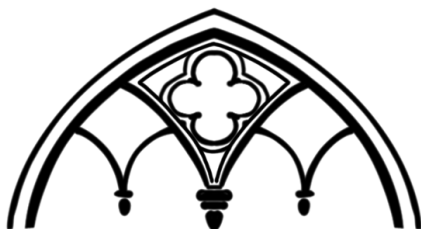

Москва

Читайте у Рейчел Гиллиг:

Одно тёмное окно
Two Twisted Crowns

Рейчел Гиллиг

ОДНО ТЁМНОЕ
ОКНО

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г47

Rachel Gillig
ONE DARK WINDOW

Copyright © 2022 by Rachel Gillig

Перевод с английского *Вероники Борискиной*
под редакцией *Иты Куралесиной*

Перевод стихотворений *Иты Куралесиной*

Иллюстрация на переплете *Midva* и *Pychxta*

Гиллиг, Рейчел.

Г47 Одно темное окно / Рейчел Гиллиг ; [перевод с английского В. А. Борискиной под редакцией И. Куралесиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-216111-7

Элспет Спиндл нужен монстр – древний дух, которого она зовёт Кошмаром. Только он поможет ей выжить в окутанном магическим туманом королевстве. Он защищает её. Он хранит её секреты. Он заперт в её голове.

Жизнь Элспет меняется, когда она встречается Рэйвина Ю – племянника короля, капитана элитных солдат... Изменника, который действует за спиной своего могущественного дяди.

Вместе они намерены собрать двенадцать Карт Провидения – мощную магическую колоду, которая может стать ключом к избавлению королевства от жуткого тумана и смертельного поветрия.

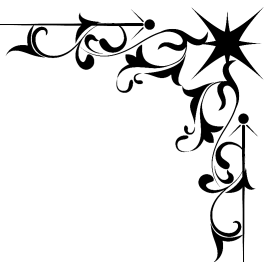
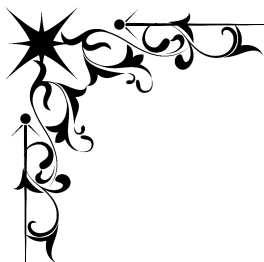
Но ставки растут, а Кошмар медленно и неизбежно овладевает разумом Элспет. И у неё осталось не так много времени, чтобы остановить его... и сохранить себя.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© Борискина В.А., перевод на русский язык, 2025
© И. Куралесина, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

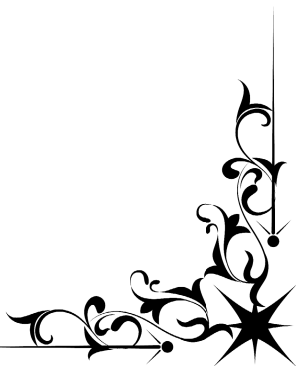
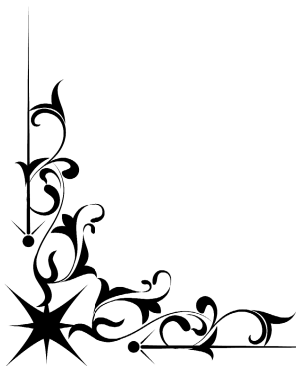
ISBN 978-5-04-216111-7

*Тихоням со множеством историй в головах
Их мечтам и кошмарам*

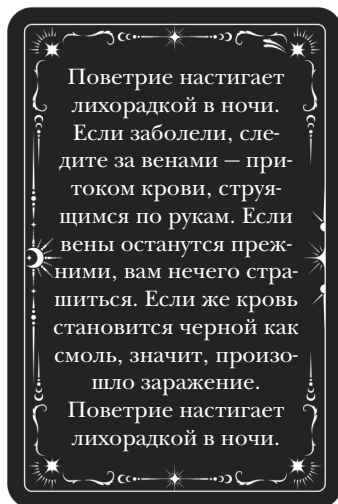

ЧАСТЬ I

Карты

Глава первая

Мне было девять, когда в наш дом впервые пожаловали целители.

Дядя уехал вместе со своими людьми. Кузина Айони с братьями шумели на кухне, и тетя не слышала стука в дверь, пока первый мужчина в белом одеянии не переступил порог гостиной.

У нее не оставалось времени спрятать меня. Я сладко спала, как кошка на окне. Когда тетя разбудила меня, ее голос охрип от страха.

— Ступай в лес, — прошептала она, отпирая окно и осторожно проталкивая меня через створку на землю.

Я упала не на теплую летнюю траву. Головой я ударилась о камень, заморгала, меня затошнило, перед глазами замелькали черные точки, а голову окутало красное липкое тепло.

Я слышала их в доме, их тяжелые зловещие шаги.

«Вставай, — позвал голос в голове. — Вставай, Эл-спет».

Поднявшись на шатких ногах, я отчаянно бросилась к кромке леса за садом. Меня окутал туман, и хотя в кармане не было амулета, я побежала к деревьям.

Но голова болела слишком сильно.

Я вновь упала, и по шее потекла кровь.

«Они поймут меня!» — мысленно закричала я, теряя рассудок от страха. — *Они меня убьют».*

«Никто не причинит тебе вреда, дитя, — прорычал он. — А теперь вставай!»

Я попыталась. Изо всех сил. Но слишком повредила голову, и через пять отчаянных шагов — кромка леса была так близко, что до меня доносился его запах, — я рухнула на землю в холодном, безжизненном обмороке.

Теперь я знаю, что все дальнейшее не приснилось мне. Так не бывает. Когда люди теряют сознание, им ничего не снится. А мне и вовсе не доводилось видеть сновидения. Но я не знаю, как еще это назвать.

Во сне в меня просачивался густой темный туман. Я была в тетином саду, как и секунду назад. Могла видеть и слышать — чувствовать запах, ощущать грязь под головой, — но я оцепенела, не в силах пошевелиться.

«На помощь!» — тихо позвала я. — *На помощь!»*

В сознании отдавались торопливые тяжелые шаги. По щекам текли слезы. Я сощурилась, но ничего не разглядела — в глазах все расплывалось, будто смотришь в морскую воду.

Руки пронзила острая, яростная боль, а вены почернели как смола.

Я закричала. Кричала до тех пор, пока мир вокруг не исчез — зрение меркло, пока все не обратилось во тьму.

Я очнулась под ольхой, укрытой туманом и густой зеленью леса. Боль в венах стихла. Каким-то образом мне удалось добраться до кромки леса даже с разбитой головой. Я сбежала от целителей.

Я буду жить.

Я счастливо всхлипнула, пока разум продолжал бороться с грозившим захлестнуть меня приступом паники.

Только сев, я почувствовала боль в руках. Взглянула вниз. Ладони были исцарапаны и разодраны, пальцы замараны кровью в тех местах, где ногти, под которые набилась земля, сломались. Почва вокруг оказалась разрыта, трава примята. Что-то — или кто-то — прижало ее к земле.

Что-то — или кто-то — помогло мне доползти сквозь туман до безопасного места.

Он так и не рассказал мне, как перенес мое тело, как ему удалось спасти меня в тот день. Это одна из его многочисленных невысказанных тайн, отрешенно покоящихся во тьме, за которой мы присматриваем.

Однако именно тогда я впервые перестала бояться Кошмара — голоса в моей голове, существа со странными желтыми глазами и жутким, вкрадчивым голосом. Минуло одиннадцать лет, и я его совсем не боюсь.

Даже если следовало бы.

Тем утром я шла по лесной дороге, чтобы встретиться с Айони в городе.

Надо мной висели мрачные серые тучи, тропа была скользкой от густого мха. Лес, тяжелый и влажный, набирал дождевую воду, словно бросая вызов неизбежной смене времени года. Лишь редкие кусты кизила

контрастировали с изумрудным глянцем — красно-рыжие оттенки ярко выделялись на фоне тумана, пламенные и горделивые.

Из куста самшита выпорхнули птицы, испуганные моей неуклюжей поступью, и вихрем умчались вверх, в густой туман, взбивая его крыльями. Я натянула капюшон на лоб, насвистывая мелодию. Одну из песен Кошмара, из множества тех, что он напевал в темных уголках моего разума. Старую, заунывную, нежную. Она приятно звенела в ушах, и, когда последние ноты сорвались с моих уст на тропу, мне стало жаль, что они уходят.

Я обратилась к задворкам сознания, ощущая тьму. Когда мне ничего не ответили, засемила дальше по дороге.

Тропа стала слишком грязной, и я шагнула в лес, задержавшись возле кустарника с ягодами — черными и сочными. Прежде чем съесть их, я выудила из кармана свой амулет, воронью лапку, и покрутила его в руках. Туман, задержавшись на краю дороги, прильнул ко мне.

Муравьи попались в липкий сок на моих пальцах. Я стряхнула их. Резкий вкус кислоты обжег язык, когда случайно проглотила нескольких. Я вытерла пальцы о платье, сшитое из такой темной шерсти, что она поглотила пятна без следа.

Айони ждала меня в конце дороги, сразу за деревьями. Мы обнялись, и она взяла меня за руку, разглядывая мое лицо под тенью капюшона.

— Ты ведь не сходила с тропы, Бесс?

— Лишь на мгновение, — призналась я, обращая взор к улицам.

Мы стояли на окраине Бландера, паутина мощных улиц и магазинчиков страшила меня сильнее любого темного леса. Люди суетились, человеческие и животные звуки казались слишком громкими для

моих ушей после стольких недель, проведенных дома в лесу. Перед нами промчалась карета, конские копыта звонко процокали по старинной брусчатке. Мужчина тремя этажами выше выплеснул грязную воду из окна, и часть ее попала на подол моего черного платья. Плакали дети. Кричали и скандалили женщины. Торговцы выкрикивали свои товары, и где-то прозвенел колокол — глашатай Бландера сообщал об аресте трех разбойников.

Вздохнув, я последовала за Айони вверх по улице. Мы замедлили шаг, чтобы заглянуть в лавки торговцев — пробежаться пальцами по новым тканям, вытасенным из-за прилавков. Айони заплатила медяк за моток розовой ленты и улыбнулась хозяину лавки, продемонстрировав небольшую щель между передними зубами. Вид Айони согрел меня. Я очень привязалась к ней, моей златовласой кузине.

Мы с ней были такие разные. Она — честная, настоящая. Ее чувства отражались на лице, в то время как мои прятались за тщательно отработанным самообладанием. Живая во всех смыслах, она говорила прямо, чего хочет, чего боится, вообще все, будто благодарила. Куда бы Айони ни пошла, она вела себя легко, привлекая людей и животных. Казалось, даже деревья качаются в такт ее шагам. Все любили ее. И она любила их в ответ. Даже в ущерб себе.

Айони не притворялась. Она просто *была собой*.

Я завидовала ей в этом. Сама я напоминала запуганного зверька, редко ведавшего спокойствие. Мне нужна была Айони — ее защита, сотканная из тепла и легкости, — особенно в такие дни, как этот: день моих именин, когда я навещала отчий дом.

Где-то далеко, в глубине моего сознания, щелкнули клыки, и все снова затихло. Я стиснула зубы и сжала кулаки, но все бесполезно — невозможно контролировать появления и исчезновения Кошмара. Мимо нас

протиснулся мальчишка, его взгляд слишком долго задержался на моем лице. Я фальшиво улыбнулась и отвернулась, потерла рукой напряженный лоб, пока не почувствовала, что выражение лица стало отстраненным. Я годами оттачивала этот трюк в зеркале — лепила свое лицо, словно глину, пока оно не приобретало отсутствующий, сдержанный вид человека, которому нечего скрывать.

Я чувствовала, как Кошмар наблюдает за Айони моими глазами. Наконец, он заговорил масляным голосом.

«Златовласка чиста и мягка. Златовласка незрима — проста. Златовласку легко проморгать. Златовласке корлевой не стать».

«Тише», — шикнула я, поворачиваясь спиной к кухне.

Айони не знала, как на мне отразилось поветрие. По крайней мере, не полностью. Никто не знал. Даже тетя Опал, приютившая меня, когда я бредила от лихорадки. По ночам, когда меня поглощал жар, она затыкала дверные щели шерстью и держала окна закрытыми, дабы я не разбудила своими криками других детей. Она поила меня снотворным и прикладывала припарки к разгоряченным венам. Читала мне книги, некогда принадлежавшие им с мамой. Тетя любила меня, несмотря на то, к чему могло привести сокрытие ребенка, подхватившего лихорадку.

Когда я наконец вышла из своей комнаты, дядя и кузены уставились на меня, выискивая любые признаки магии — все, что могло бы меня выдать.

Но тетя была непреклонна. Я действительно подхватила лихорадку, которой так боялись в Бландере, но на этом все и закончилось — поветрие не наделило меня магией. Ни Хоторны, ни новая семья отца не бу-